

DOI 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-55-74

УДК 394.21(=551.3)

Екатерина Леонидовна Тирон

Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9012-0476
E-mail: krupich_katja@mail.ru

Мифологические представления и фольклор зимнего оленеводческого праздника *Пэгыттын* коряков-чавчуенов*

АННОТАЦИЯ. Зимний оленеводческий праздник *Пэгыттын* коряков-чавчуенов в настоящее время, по-видимому, не функционирует, хотя еще в конце XX в. его аутентичное бытование зафиксировано на видеокассете из домашнего архива одной из последних носительниц языка и культуры чавчуенов Камчатки Н. С. Кузнецовой (1949 г. р., уроженки Олюторского района Корякского национального округа). Исследование автора включает обобщение кратких сведений из трудов В. И. Иохельсона, В. Г. Богораза, С. Н. Стебницкого и др., а также основано на полевом материале сотрудников Института филологии СО РАН и подробных комментариях Н. С. Кузнецовой к обнаруженной видеозаписи. Проведение праздника ранее приурочивалось к появлению звезды Альтаир из созвездия *Пэгыттын* и зимнему солнцестоянию, которые символизируют поворот к возрождению природы. В XX в. среди коряков ориентиром в определении времени проведения стала луна. Приводятся мифологические представления о Верховном божестве, для которого совершаются жертвоприношения оленей, о варьируемой ориентированности по сторонам света жертвенных туш, приметы, связанные с закланием оленя, и т. д. Охарактеризованы редко фиксируемые фольклорные тексты заклинаний *эв'яныын*, произносимые перед закланием в обряде у семейного копыя *пойгын*, а также перед закланием собаки и жертвоприношении *инэлэвт*. Упоминание Н. С. Кузнецовой проведения благодарственного охотничьего обряда *Мыуэгыйуын* в контексте празднования *Пэгыттын'а*, по мнению автора, — свидетельство проявления древнего культа созвездия, связывающегося с охотой на диких оленей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Камчатка, палеоазиаты, коряки-чавчуены, оленеводство, промысловые праздники, мифологические представления, фольклор

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тирон Е. Л. Мифологические представления и фольклор зимнего оленеводческого праздника *Пэгыттын* коряков-чавчуенов. *Кунсткамера*. 2023. 1(19): 55–74. doi 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-55-74

* Автор благодарит Т. А. Голованеву за помощь в работе с корякскими словами и их переводом, а также за знакомство с удивительной Н. С. Кузнецовой, комментарии которой позволили выявить богатый мир представлений, связанных с оленеводческими праздниками коряков-чавчуенов.

Ekaterina Tiron

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9012-0476
E-mail: krupich_katja@mail.ru

Mythological Beliefs and Folklore of the Winter Reindeer Herders' Festival *Pegyttyn* of Koryaks-Chauchuvs

ABSTRACT. The winter reindeer herders' festival *Pegyttyn* of Koryaks-Chauchuvs currently is not held. Its authentic existence at the end of the 20th century was recorded on a videotape from the home archive of Nadezhda Kuznetsova (born in 1949 in the Olyutorsky area of the Koryak National District), one of the last carriers of the language and culture of the Chavchuvs of Kamchatka. Traditionally, the celebration was timed to coincide with the appearance of the star Altair from the constellation *Pegyttyn* and the winter solstice, which symbolize the turn to the revival of nature. In the 20th century among the Koryaks the moon became a reference point in determining the time of the celebration. The article presents mythological ideas about the Supreme Deity for whom deer sacrifices are performed. The author characterizes folklore texts of spells *evyamyyn*, pronounced before the slaughter in the rite at the family spear *poigyn*, as well as before the slaughter of a dog and the sacrifice *inelvet*. The thanksgiving hunting ritual *Mynegynyn* in the context of *Pegyttyn*, according to the author, is an evidence of the manifestation of the ancient cult of the constellation associated with the wild deer hunting.

KEY WORDS: Kamchatka, Paleosians, Koryaks-Chauchuvs, reindeer herding, hunting festivals, mythological beliefs, folklore

FOR CITATION: Tiron E. Mythological Beliefs and Folklore of the Winter Reindeer Herders' Festival *Pegyttyn* of Koryaks-Chauchuvs. *Kunstkamera*. 2023. 1(19): 55–74. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-55-74

ВВЕДЕНИЕ

Проведение традиционного зимнего праздника *Пэгыттын*¹ у коряков-чавчуменов в настоящее время зафиксировать, по-видимому, уже вряд ли возможно². Один из наиболее древних культов корякских и чукотских оленеводов³ циркумполярной зоны уходит в забвение вместе с утратой традиционного образа жизни. Удивительно, но бытование праздника в конце XX в. зафиксировано на случайно обнаруженной нами видеокассете из домашнего архива одной из последних носительниц чавчуменского диалекта Н. С. Кузнецовой⁴. Уникальная видеозапись запечатлела не инсценировку, а подлинное, аутентичное проведение жителями с. Средние Пахачи Олюторского района Камчатки в 1994 г. зимнего праздника (*Пэгыттин* 1994).

Актуальность статьи обусловлена необходимостью сохранить, документировать и актуализировать информацию о зимнем оленеводческом празднике в условиях стремительной утраты языка и культуры коренных народов Севера, связанной с угасанием традиционного типа хозяйствования. Как пишет К. Б. Клоков, «традиционные ритуалы — важная часть культурного наследия Севера, они легко могут быть утеряны, поскольку их передача от поколения к поколению нарушена. В связи с этим актуальной задачей исследователей становится их документирование научными методами» (Клоков 2021: 115–116). Цель статьи — научное описание зимнего праздника *Пэгыттын* коряков, а также выявление связанных с ним мифологических представлений и фольклора.

В научной и краеведческой литературе сведения о зимнем празднике *Пэгыттын* носят отрывочный характер. Наиболее ценный материал по оленеводческим праздникам коряков имеется в трудах В. И. Иохельсона, В. Г. Богораз, С. Н. Стебницкого, В. Н. Малюковича, В. В. Горбачёвой, Л. Н. Хаховской и др. (Jochelson 1905; Bogoras 1917; Гурвич 1962; Малюкович 1974; Решетов 1995; Стебницкий 2000; Гончаров 2010; Горбачева 2004; Фольклорное наследие 2016; Хаховская 2018). Привлекаются также публикации по оленеводческим праздникам чукчей (Богораз 1939; Кузнецова 1957; Вдовин 1977). Интересная информация об оленеводческих праздниках коряков зафиксирована в последние годы в ходе полевой работы сотрудников Института филологии СО РАН А. А. Мальцевой, Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон от уроженцев Олюторского района Н. С. Кузнецовой, А. А. Кергильхот, Л. А. Аймык (Голованева, Мальцева 2015; Аймык 2020; Кузнецова 2020) и от уроженца Пенжинского района Н. И. Тынетэгина (Тынетэгин 2017).

Новизна исследования заключается в том, что впервые осуществляется обобщение материалов XX–XXI вв. по корякскому оленеводческому празднику *Пэгыттын*, а также во введении в научный оборот новых полевых материалов. Ключевым источником исследования является видеозапись проведения зимнего праздника *Пэгыттын* в 1994 г. в Олюторском районе — документальное подтверждение бытования традиции в конце XX в. Видеокассета была обнаружена в домашнем архиве Н.С. Кузнецовой — носителя чавчуменского диалекта корякского языка, знатока культуры и традиций своего народа. Она родилась в 1949 г. в оленеводческой семье Семёна Койматке (1917 г. р.)

¹ Современные носители чавчуменского диалекта произносят название праздника с локальными отличиями: *Пэгыттын* (Олюторский район), *Пэгыттэ* (Пенжинский район). В. В. Горбачева использует написание *Пегетын*, В. И. Иохельсон — *Pegeten* и переводит как *suspended breath* — «задержанное дыхание» (Bogoras 1917: 106).

² Полный круг календарных оленеводческих праздников чавчуменов наряду с зимним праздником *Пэгыттын* включает осенний праздник *Бояуйтатык* (перегонять оленей), весенние праздники молодого оленя *Баяю* (оленинок) / *Боявгыг'ык* (олени телятся) / *Аноан* (весна) и праздник рогов *Килвэй/Кэлвай/Килвай*, а также менее выделенные летние оленеводческие праздники: июньский праздник угона оленей на летовку *Корааттык* (Малюкович 1974: 28). Последний В. В. Горбачева рассматривает как обряд (при переходе через реки и при перекочевке к морю). Летний забой оленей в с. Средние Пахачи в 1997 г. зафиксировал на видео А. Кинг: См.: *Scenes from Pakhachi Private Reindeer Herd slaughter, July 1997* // YouTube. 11.07.2019. URL: www.youtube.com/watch?v=AU3McrUMfIo&t=601s (дата обращения: 23.04.2022).

³ И. С. Гурвич, говоря об общности этногенеза, языка, материальной и духовной культуры оленных коряков и оленных чукчей, писал: «По существу олени чукчи и олени коряки — не различные народности, а две несколько обособленные локальные группы» (Гурвич 1983: 117).

⁴ Съемка производилась на домашнюю видеокамеру другом семьи, сыном учителей В. Юшиним, многие годы проработавшим в Олюторском районе. Конечно, он не был профессиональным видеооператором, этнографом или антропологом, однако большим преимуществом данной записи является то, что она осуществлена человеком, которого присутствующие знали и считали своим.



Рис. 1. Е. Л. Тирон и Т. А. Голованева в гостях у Надежды Семеновны Кузнецовой. Елизовский район Камчатского края. Фото Ю. С. Кергувье, 2019

Fig. 1. E. Tiron and T. Golovaneva are visiting Nadezhda Semenovna Kuznetsova. Yelizovsky district of Kamchatka Krai. Photo by Yu. S. Kerguvier, 2019

и Анны Мулиной (1921 г. р.). В 1934 г. ее дедушку по отцу, зажиточного оленевода, владельца многотысячного стада Леҕтыгыйнына (род. в конце XIX в.), как и многих других, раскулачили (Голованева 2019). Все родственники Надежды Семёновны продолжили заниматься оленеводством, но уже в совхозе «Пахачинский». Детство нашей рассказчицы прошло с семьей дедушки Инмахача, лучшего бригадира оленеводческого хозяйства совхоза (Корякский коммунист 1960). Живя в табунах, она принимала участие в обрядах и праздниках, помогала взрослым в выпасе оленей.

В 2019 г. в п. Энергетик Елизовского района в ходе командировки, посвященной изучению песенной традиции коряков, Т. А. Голованева познакомила автора статьи с Надеждой Семёновной⁵ (рис. 1). Исполнительница обратилась с просьбой о помощи в оцифровке видеокассет 1992–1995 гг. из домашнего архива, которые многие годы она не могла просматривать из-за отсутствия видеомэгафона⁶. В 2020 г. состоялась передача Надежде Семёновне оцифрованных материалов и совместный просмотр запечатленных на них оленеводческих праздников *Пэҕыттын* и *Килвай*. Просмотр сопровождался подробным комментированием видео с ответами на вопросы интервьюеров (Е. Л. Тирон и Т. А. Голованевой). Надежда Семёновна с удовольствием передала оцифрованные копии видео в архив сектора фольклора Института филологии СО РАН с надеждой и напутствием на их изучение.

Исследование проводилось в опоре на комплексный подход, основанный на сочетании методов этнографии и фольклористики. Использовались описательный, сравнительно-исторический, структурно-функциональный аналитические методы, содержательная интерпретация материала. При анализе опубликованных и полевых материалов применялся подход, учитывающий локальную специфику и диахронный аспект.

⁵ В сентябре 2022 г. после девятилетнего проживания в пригороде Петропавловска-Камчатского Надежда Семёновна вернулась в село Средние Пахачи.

⁶ Видеозаписи из архива Н. С. Кузнецовой: «Снимки во всех звеньях» (1992; 2 ч. 29 мин.), «Переправа через Апуку» (1993; 1 ч. 13 мин.), «Зимний забой» (1994; 1 ч. 20 мин.), «Весенняя корализация частного табуна» (1994; 28 мин.), *Килвай* (1995; 1 ч. 30 мин.), «Дома» (1995; 47 мин.), «Работа в табунах» (1990-е; 2 ч. 42 мин.).

ЗНАЧЕНИЕ ЗИМНЕГО ПРАЗДНИКА ПЭГЫТТЫН В ТРАДИЦИОННОЙ ЖИЗНИ КОЧЕВЫХ КОРЯКОВ

Коряки полностью утратили астральные мифы, связанные с созвездием *Пэгыттын*, по-видимому, уже к началу XX в. Созвездие включает звезды Альтаир и Таразед⁷, которые во второй половине декабря перед рассветом появляются на горизонте в восточной части небосвода Северной Камчатки.

Отрывочные мифологические представления о принадлежности *Pegittyn* к высшим «существам» *vaarygt* (наряду с Полярной звездой, Арктуром и Вегой) в начале XX в зафиксировал у чукчей В. Г. Богораз: «*Pegittyn* был родоначальником племени, представители которого все после смерти отправились на небеса» (Богораз 1939: 24).

Название созвездия у коряков-чавчуменов перешло в название праздника, однако оно не совпадает с именем их верховного божества. Верховное божество *Вагыйн'ын* 'бытие' (Стебницкий 2000: 183) или *Боявагыйнын* 'олень бытие' (Горбачева 2004) является «олицетворением жизненного принципа природы во всей его полноте» (Jochelson 1905: 25) (здесь и далее перевод наш. — Е. Т.). И. С. Гурвич сделал вывод о том, что объяснение коряков о своем «верховном существе» «появилось под влиянием миссионерских проповедей, и коряки, посвящавшие В. И. Иохельсона в свои обряды, просто пытались приспособиться к представлениям русского человека» (Гурвич 1962: 251). Чукотское понятие *жаа-ваырун* 'оленья вера', по мнению В. Г. Богораза, имело отношение именно к обрядам и жертвоприношениям, «необходимым для процветания оленьего хозяйства» (Богораз 1900: VIII), а *жорен этын* 'олений хозяин' — проявление дуализма «христианского бога с языческим, причем первому отдается преимущество перед последним (Богораз 1900: IX).

Помимо абстрактного имеется и антропоморфное представление верховного божества в образе старика — Хозяина оленей, живущего на небесном стойбище в большой яранге с женой и детьми. Он дает изобилие или бедствие человеческому роду, посылает на землю для возрождения висящие в его жилище людские души *уйычыт*, сыпет из шерстинок своей кухлянки зародышей оленят (Jochelson 1905: 25, 100; Горбачева 2004: 46). Праздник в его честь проводился для защиты стада (Мелетинский 1998) и «в благодарность за оленей, которых он посылал» (Горбачева 2004: 49). Кроме того, «Пэгиттин насылал свои стада, которые увлекали за собой домашних оленей, делая таким образом людей безоленными» (Вдовин 1977: 125).

Помимо антропоморфного представления, фиксируется отождествление коряками верховного божества с солнцем *Тыйкытый*⁸, а проведение праздника *Пэгыттын* связывают с днем зимнего солнцестояния. Считается, что появление на небе созвездия *Пэгыттын* «приводит свет нового года, так как оно появляется на горизонте как раз во время зимнего солнцестояния» (Богораз 1939: 24). «Культе этого созвездия опирался на представление, будто с появлением на небосводе названных звезд во время зимнего солнцестояния приходят свет, солнце, а за ними тепло, постепенное оживление в природе, оживление в промыслах. В этот период дикие олени меняли направление движения с юга на север» (Вдовин 1977: 125). В этнографической литературе праздник также называют *Тыткнлэктыткэн* 'Возвращение солнца' (Малюкович 1974: 15).

Проведение *Пэгыттына*, запечатленного на видеокассете, начинается в день зимнего солнцестояния — 22 декабря 1994 г. — и длится четыре дня. В источниках XX–XXI вв. датировка праздника варьирует в пределах последней декады декабря — первой декады января (Гурвич 1962: 250; Малюкович 1974: 15; Горбачева 2004: 48; Фольклорное наследие 2016: 40–41). По-видимому, это связано с кочевым характером жизни оленеводов. В. Г. Богораз отмечал, что зимой кочующие чукчи часто «откладывают его до середины первого месяца нового года» (Богораз 1939: 77) (рис. 2).

⁷ В тематическом словаре чукотского языка Ш. Венстена *пэгытти, пэгыттин (peyatti, peyattin)* — утренние звезды Альтаир и Таразед из созвездия Орла. См.: (Венстен).

⁸ В чукотском фольклоре Солнце связывается с образом оленевода, владеющего стадом медногорных оленей. Он спускается в мир людей за невестой, в качестве выкупа за которую приводит белых и сивопестрых оленей. С земного или даже подземного мира уводит с собой черных и коричневых оленей (Богораз 1900: XII–XIII).

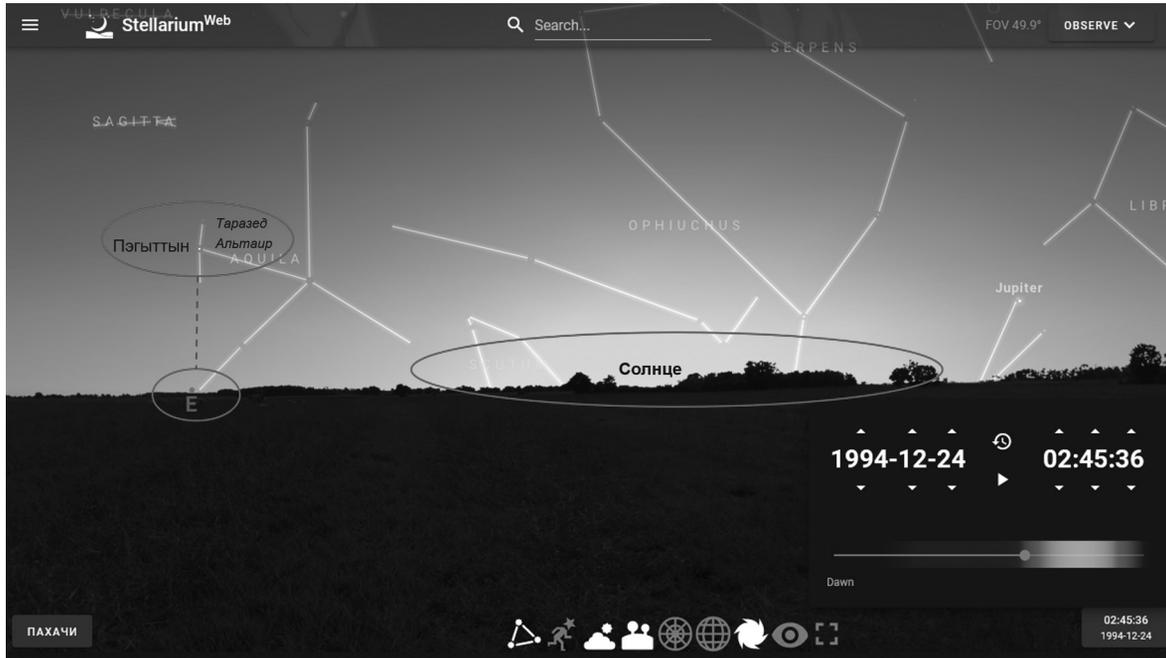


Рис. 2. Восточное положение созвездия *Пэгыттын* над с. Средние Пахачи Олюторского района в предзвездные часы 24 декабря 1994 г.

Fig. 2. The eastern position of the constellation *Peggytyn* over the village of Sredniye Pakhachi (Oliutorsky district) in the wee hours of December 24, 1994

Еще одна особенность — связь праздника не только с солнцестоянием, но и с новолунием. Считалось, что прибывание луны будет способствовать росту стада (Стебницкий 2000: 56). Хаилинские оленеводы Олюторского района рассказывали о том, что зимний «праздник отмечался в дни “нового солнца” и “новой луны”» (Беляева 2016: 40). В исследовании А. А. Сорокина упоминается празднование Нового года *Тургивигырун*, приходящегося на день зимнего солнцестояния и растущей луны (Сорокин 2019: 45).

В. Н. Нувано о времени проведения чукотского *Пэгытти* пишет: «После чукотского месяца *атъылёке*, который можно перевести как “сутки без дневного света”, после зимнего солнцестояния, с появлением новой луны (где-то 25 декабря) наступает *и’рэйилгы* — “месяц гонок на оленьих упряжках”. На восточном горизонте появляется чукотское созвездие *Пэгытти*: две звезды из созвездия Орла — Альтаир и Тараред. <...> С появлением этих звезд чукчи проводят праздник, который так и называется — *Пэгытти*. Это праздник встречи с Солнцем — люди радуются солнечному свету после длинной темной зимней ночи» (Нувано 2017: 251).

По данным В. Г. Богораза, у чукчей жертвоприношения оленей на молодой месяц в середине зимы предназначались злым духам и проводились тайно, поэтому они не включаются в годовой цикл праздников (Богораз 1939: 78).

У современных коряков существует также представление, по которому праздник связывается исключительно с полнолунием, однако время его проведения варьирует: Н. С. Кузнецова указывает на проведение праздника в полнолуние перед календарным Новым годом⁹, Н. И. Тынэтэгин — на январское полнолуние, а Л. А. Аймык — на полнолуние между декабрем и мартом. В научной литературе зафиксированы и другие праздники, проводившиеся в зимнее полнолуние: *ололыгвыт*¹⁰

⁹ В 1994 г. полнолуние приходилось на 18 декабря, но зимний праздник *Пэгыттын* проводился с 22 числа, т. е. на убывающую луну. Это может свидетельствовать о приоритете солнцеворота по отношению к растущей луне, либо это можно интерпретировать как отход от традиции.

¹⁰ Этимология слова неясна.

коряков с. Верхний Парень Северо-Эвенского района Магаданской области (Хаховская 2018: 187) и *кинтак* пенжинских коряков, который проводился в 1950-х годах, «чтобы полыньи скорее замерзли» (Гурвич 1962: 251).

Итак, при определении времени проведения зимнего праздника *Пэгыттын* в прошлом значение имели появление звезд из созвездия *Пэгыттын* и зимнее солнцестояние. В XX в. при утрате астральных мифов приоритет сместился в сторону Луны *Йыгылгын*: новолуния или полнолуния. Предположим также, что могло иметь место проведение нескольких зимних праздников, имеющих различную приуроченность, либо мы имеем локальные особенности проведения зимнего праздника.

ЖЕРТВЕННЫЙ ЗАБОЙ ОЛЕНЕЙ НА ПЭГЫТТЫН

К месту проведения зимнего праздника *Пэгыттын* обязательно совершалась перекочевка табуна (Горбачева 2004: 48)¹¹. В 1994 г. оленей специально пригнали к палаточному городку, расположенному вблизи с. Средние Пахачи, где проводились и другие праздники местных жителей¹². Для символической встречи оленеводов накануне декабрьского праздника *кинтак* ночью женщины клали в торбаса каждому члену семьи лепешки *чичгитал* из тертого вареного мяса с жиром. Утром первый проснувшийся кричал: «Вставайте, пастухи пришли! Замерзли от холода! Замерзли мы! Торбаса давайте!», — после чего все вынимали лакомства из торбасов и начинали пировать, произносить заклинания о хорошей зиме, бить в бубен и т.д. (Гурвич 1962: 250).

На жертвенном месте *поячын* чукчи устанавливали с одной стороны кибитку и ездвые нарты, с другой стороны — маленькие нарты, на которых размещали семейных охранителей и огнивные доски (Кузнецова 1957: 288). На празднике их обязательно кормили (Гурвич 1962: 250).

Инициаторами совершения праздника *Пэгыттын* были мужчины-оленеводы — главы семей, участниками ритуала — члены их семей и гости. Каждая семья самостоятельно проводила жертвенный забой оленей из своего табуна¹³. За несколько дней съёмки этот ритуал повторялся несколько раз: в первый день его проводила семья Надежды Семеновны, в последующие дни члены ее семьи были гостями и помощниками у соплеменников.

Жертвенные олени выбирались хозяином из собственного стада заранее. Таких оленей, по сведениям Л. А. Аймык, называют *тымьён* ‘оленья туша’, в отличие от *бояна* ‘(живого) домашнего оленя’ (Голованева, Мальцева 2015: 55). По свидетельству Н. С. Кузнецовой, для ритуала нужно было забить пару оленей: *важенку в’энзой* и самца-производителя *в’инькьеу*¹⁴. Важенка должна быть старше пяти лет, потому что она должна была произвести достаточное количество потомства. Самец мог быть совсем олененком. Это перекликается с данными Богораза о том, что олицетворяющие *важенку* и *олененка* две маленькие звезды, находящиеся рядом с созвездием *Pegittyn*, «приближаются к нему, чтобы быть принесенными в жертву» (Богораз 1939: 25).

Помимо жертвенных оленей забивали и других, предназначенных для снабжения семьи мясом¹⁵, «на олени шкуры для изготовления теплой зимней одежды, а также спальных мешков кукулей» (Фольклорное наследие 2016: 35). Надежда Семёновна говорит, что количество оленей обязательно должно было быть четным, однако в источниках указывается разное количество забиваемых оленей (по-видимому, исследователи не разделяли жертвенных и мясных оленей). Так, В. В. Горбачёва пишет о том, что «количество забитых оленей определялось необходимостью заготовки мяса на зимний период и числом гостей, которых одаривали во время праздника.

¹¹ У чукчей установка постоянного зимнего жилища обозначалась как *тэнапрытвангыргын*. Этот термин использовался и по отношению к зимнему празднику (Кузнецова 1957: 288).

¹² На видеозаписи также зафиксировано празднование здесь *Килвая*.

¹³ В 1990-е годы частный табун оленей жителей с. Средние Пахачи насчитывал более трех тысяч голов. Третья часть из них принадлежала семье Н. С. Кузнецовой.

¹⁴ Если у оленевода было мало оленей, то можно было забить одного. Если у семьи с детьми не было личных оленей, то отец Н. С. Кузнецовой, богатый оленевод, мог дать им оленя из своего табуна.

¹⁵ Семье Н. С. Кузнецовой для зимнего запаса мяса необходимо было восемь туш.

Обязательно забивали двух-трех важенок» (Горбачева 2004: 48). Оленеводы с. Рекинники Карагинского района забивали три жертвенных оленя: важенку, кастрата и теленка (Малюкович 1974: 38), в с. Тымлат Карагинского района — «обычно не менее десяти хорошо упитанных самцов... Одного из оленей... убивают ритуальным копьём (ритуальное заклинание). Остальных... убивают около нарты» (Малюкович 1974: 40). В Пенжинском районе «богу» посвящали большого белого оленя, а далее забивали оленей парами (важенку и самца) (Тынетэгин 2017). Коряки считали белого оленя наиболее подходящим жертвоприношением (Jochelson 1905: 92).

Мужчинам предстояло поймать предназначенных для жертвы оленей из многочисленного стада. С. Н. Стебницкий восхищенно пишет о том, что «совершенно непостижимо, каким образом в беспорядочно движущемся стаде оленей... можно заметить и поймать арканом именно того оленя, который указан» (Стебницкий 2000: 55). Н. И. Тынетэгин рассказывал, что в прошлом оленеводы могли поймать нужного оленя и без аркана *чав'ат*: «Догоняли и хватали оленя за ногу — настолько быстро бегали» (Культура 2022: 130).

Жертвенное заклинание оленей, по словам Н. С. Кузнецовой, обязательно предварялось молением у семейного копыя *пойгын*. Это копые передавалось из поколения в поколение и использовалось исключительно в ритуальных целях отцом, сыном или зятем. По воспоминаниям Л. А. Аймык, перед забоем отец с детьми обходят оленя по ходу солнца (*тэйкыплэу* 'по солнечной правоте') (Голованева, Мальцева 2015: 18, 54). Затем люди поворачиваются в сторону востока, где, по их представлениям, находится мир Хозяина оленей (Горбачева 2004: 46). Мужчины снимают головные уборы. Глава семьи произносит краткое заклинание *эв'явын*¹⁶. Надежда Семёновна признается, что «всегда старалась услышать эти слова, но отец произносил их очень тихо, почти про себя. Он просил, чтобы жизнь была хорошая, чтобы у детей все было, что действия, которые они произведут сейчас, необходимы для того, чтобы у семьи все было гладко, тихо, спокойно» (Кузнецова 2020). Л. А. Аймык помнит такое заклинание ее отца: *В'откэн ыгыр, гыныкэн тымьён тыныпкырэтын. Пыльв'агыргэв'ыт – ыгыт, ынэгитэркын, амъяйв'ачың мынытв'аркын* / «Вот видишь, тебе тушу принес. Раз Божество ты — смотри, наблюдай за мной, и пусть у нас все будет благополучно» (Голованева, Мальцева 2015: 18). Понятие *Пыльв'агыргэв'ыт* 'истинное бытие', упоминаемое в заклинании, включает в себя единство бытия *вагыйуын*, солнца *тийкытий* и гор *ңэю* (Аймык 2020). Пенжинские оленеводы произносили заклинание в другом направлении — в сторону севера и адресовали его богу: «Я Вам забиваю этого белого оленя!» (Тынетэгин 2017)¹⁷. В. И. Иохельсон, характеризуя использующиеся в обрядах жертвоприношений заклинания, отмечает их краткость: «Молитвы, обращенные к божествам и духам во время церемоний жертвоприношений, не являются длительными. Обычно они говорят: “Это для тебя” (*Vo'tto gi'ñkin*), *Nime'leu mitvala'ikin*, *Vahi'yñin!* / “Пусть будет хорошей наша жизнь, *Вагыйуын!*”» (Jochelson 1905: 98) (перевод Т. А. Голованевой).

Заклинание — обязательный элемент обряда. Оно предваряет жертвоприношение и объясняет назначение его осуществления¹⁸. К сожалению, до настоящего времени зафиксированы лишь единичные тексты. *Эв'явын* произносится мужчиной-оленеводом, главой семейства. По-видимому, с этим связана краткость фольклорного текста, отсутствие развернутого сюжета и персонажей¹⁹. Форма текстов

¹⁶ К сожалению, слова заклинания на видео заглужал сильный ветер.

¹⁷ Интересно, что у пенжинских коряков с севером связывается расположение верховного бога и начало года (Тынетэгин 2017), с севера часто дуют ветра (Культура 2022: 123). Кроме того, ориентация на север характерна и для расположения тела покойника на прощании и при кремации (Культура 2022: 122, 125). Ориентация жертвенного оленя головой на север характерна и для обряда кремации чукчей (Коломиец, Нувано 2022: 176), у которых север символизировал тьму (Народы 2010: 555). И. С. Вдовин указывает, что у прианадырских оленеводов жертвоприношения северу «давались в целях задабривания, предупреждения злых дел» (Вдовин 1977: 122).

¹⁸ Пенжинский оленевод Н. И. Тынетэгин так описывает заклинание оленя: «Перед началом праздника надо было поймать одного большого белого оленя. Кто-нибудь из мужчин удерживает этого оленя арканом. С противоположной стороны к этому оленю подходит старик, он держит копые, и с левой стороны по кругу ведет оленя к северу, сам поворачивается к северу и что-то говорит, обращаясь к Богу. Потом оленя забивают копьём» (Культура 2022: 129).

¹⁹ Специфика заклинаний, исполняемых в обряде у копыя, особенно ярко проявляется при сравнении с текстами лечебных заговоров, которые исполняются людьми, одаренными шаманским даром, и «характеризуются наличием развернутого сюжета» (Голованева 2006: 26)

заклинаний, реконструируемая по публикации В. И. Иохельсона и воспоминаниям современных носителей традиции, состоит из трех смысловых блоков: обращение к верховному божеству, описание жертвоприношения и испрашивание покровительства в оленеводстве и благополучия членов семьи.

Надевание мужчинами головных уборов знаменует окончание моления. Далее следует ритуальное заклятие оленя, совершаемое главой семейства. Первой на заклятие предназначается важенька, являющаяся главной жертвой верховному божеству. На видеозаписи ее держат на аркане двое мужчин, третий мужчина, произносивший заклятие, под мудрые советы отца ударяет ее копьём с левой стороны. Самца оленя забивает уже сам отец — опытный оленевод. Он не присутствовал в обряде у копыя, поскольку хозяином жертвенных оленей был человек моложе его по возрасту. Н. С. Кузнецова пояснила эту ситуацию с практической точки зрения: у важеньки более мягкий характер, а самец более норовистый и сильный. Чтобы правильно забить последнего, необходим большой опыт, чтобы удар был метким, стремительным и смертельным.

Неудачный удар осуждался, поскольку это «признак того, что божество не желает принять жертву» (Jochelson 1905: 94). Падение жертвенного оленя раной вниз также рассматривалось как нежелательная жертва: «Если олень падает раной кверху, то стаду предстоит удача, оно хорошо перенесет зиму, не пострадает от пурги или от волков, олени не будут болеть или падать от голода. Если же олень упадет раной вниз, к земле, то стаду предстоит неудача — падеж, болезни, нападение волков» (Стебницкий 2000: 55). Рекинниковские оленеводы считали, что если олень упадет в противоположную сторону дальнейшего маршрута табуна, то будет гололед, из-за которого может погибнуть ослабленная часть стада (Малюкович 1974: 38).

Убитых жертвенных оленей укладывают рядом друг с другом, «по солнцу за голову... поворачивают» (Голованева, Мальцева 2015: 18), «головой к восходящему солнцу» (Jochelson 1905: 94), т. е. на восток. Иное расположение оленей наблюдается в Пенжинском районе: жертвенного оленя разворачивают на север, а мясных оленей — на юг (Тынетэгин 2017).

Затем женщины приступают к разделке туш. Считается, что мясо из зимнего забоя наиболее жирное (Тынетэгин 2017) и самое чистое (Голованева, Мальцева 2015: 58). Мясо жертвенной важеньки будет храниться для кормления семейных идолов *гычгый* на весеннем празднике *Килвай*²⁰. Мясо самца используют для употребления в пищу: весной его просушивают и завяливают. Для заморозки и длительного хранения оленины ее заворачивают в шкуру и укладывают на амбар на сваях *мэммимэм*²¹ (рис. 3).

Таким образом, на основе анализа источников, выявилось количественное и половозрастное различие жертвенных оленей, что свидетельствует о существовании в прошлом локальных особенностей зимнего праздника, по-видимому, связанных с различными мифологическими представлениями коряков Олюторского, Пенжинского и Карагинского районов.

РИТУАЛ БЛАГОДАРЕНИЯ *МЫҢЭГЫЙҢЫН*²²

На следующий день после заклятия, по воспоминаниям Н. С. Кузнецовой, голову жертвенного оленя заносили в юрту и ставили возле очага. «Убитого оленя заносили в ярангу через специальный вход, “поили”, под голову подкладывали ветку *юяңчоччот* и огнивные доски с семейными охранителями. К огниву привязывали кочку *тымкычачамэ* (досл. «кочка-старуха») с травой-волосами и морской камень *ааквын*, который символизировал важеньку» (Народы 2010: 356).

²⁰ Кусочки мяса жертвенной важеньки смешиваются с вытопленным оленьим костным жиром *митылом* (Голованева, Мальцева 2015: 19; Кузнецова 2020). О традиции заготовки мяса жертвенного оленя для весеннего праздника рогов *Килвай* у чукчей см.: (Кузнецова 1957: 289).

²¹ В варианте Н. С. Кузнецовой — *милымыл*.

²² Как считает Т. А. Голованева, наименование обряда *мыңэгийҥын* сложно перевести на русский язык. Структура слова проста и состоит из производной глагольной основы *муэ-* и присоединенного к ней номинативного суффикса со значением абстрактности *-гыйу*. *Мыйик* означает «проводить данный конкретный ритуал благодарения во время данного конкретного обрядового действия». Нередко при описании этого ритуала в этнографической литературе используют глагол *кмуэлау*, что означает «они проводят данное конкретное ритуальное действие».



Рис. 3. Демонстрация розжига ритуального огня при помощи *гычгыя* — семейного охранителя, с. Средние Пахачи Олюторского района. Фото Т. Кергувье, 2022 г.

Fig. 3. Ignition of a ritual fire with the help of a *gychgyi*, a family guardian. The village of Sredniye Pakhachi (Oliutorsky district). Photo by T. Kergouvier, 2022

Ночью закрывали все источники света — двери и дымовое отверстие — и проводили *Мыузгыйуын*, целью которого было успешное отправление жертвенного оленя и очищение участников праздника: «Закрывая помещение, члены семьи таким образом пытались оградить оленя и себя от внешней среды, откуда могли проникнуть в него злые духи, способные помешать отправлению жертвенного оленя в верхний мир к Хозяину оленей и дальнейшему его возрождению» (Горбачева 2004: 112).

Некоторые современные носители традиции по-русски называют этот обряд «Дымный день», поскольку закрытое дымовое отверстие яранги способствовало концентрации дыма в помещении. Дым, по представлениям коряков, имеет очистительную функцию. Важной функцией дыма была также связь миров живых и умерших людей, поскольку считалось, что именно он помогал душе покойника попасть в верхний мир.

В помещении яранги, по воспоминаниям Н. С. Кузнецовой, собираются родственники и соседи. Пять-шесть человек, мужчины и женщины, чаще старшего возраста, приносят свои бубны и начинают петь и танцевать. Остальные — взрослые и дети — наблюдают за происходящим (рис. 4).

Под бубен одновременно несколькими людьми исполнялись личные и родовые песни и танцы. Исполнение родовых песен не столько играло роль поминания предков, сколько было свое-



Рис. 4. Н. С. Кузнецова с бубном бабушки *Киевнэв'ыт*, с. Средние Пахачи Олюторского района. Фото Т. Кергувье, 2022 г.

Fig. 4. N. S. Kuznetsova with grandmothe's tambourine *Kiyevnyvt*. The village of Sredniye Pakhachi (Oliutorsky district). Photo by T. Kergouvier, 2022

образным «призывом» их для благополучного окончания ритуала, актом почитания жертвенного оленя, душа которого «поднималась в этот момент по установленной рядом с очагом ветке *мңэут-тылңын* к “хозяину”» (Народы 2010: 356). Об исполнении личных и родовых песен и танцев в семейном кругу на зимнем празднике имеется множество упоминаний в материалах В. Н. Малоковича (1974). Часто песни сопровождали праздничную трапезу. Однако об исполнении песен в обрядовом контексте *Мыңэгыйнын'а* в научной литературе упоминаний очень мало.

Исполнители песен принимали мухоморы, имеющие галлюциногенный эффект и способствующие выносливости, зрители мухоморы не использовали (Тирон 2020: 40). Танцевали преимущественно спиной к зрителям²³. Если и поворачивались лицом, то обязательно начинали гримасничать. У женщин движения были легкие и плавные, в основном они двигали бедрами, мужчины могли поднимать ноги и использовать прыжки²⁴. На этом обряде, по воспоминаниям Н. С. Кузнецовой, царил соревновательный дух.

Н. С. Кузнецова считает, что этот обряд характерен только для зимнего забоя оленей. Весной, летом и осенью в с. Средние Пахачи таких обрядов не совершали (Кузнецова 2020). Н. И. Тынэтэгин описывает *Мыңэгыйнын*, который проводился летом для моря. На берегу забивали оленя-производителя и молодую самку, затем голову самца ставили на треногу и поворачивали в сторону моря (Культура 2022: 131–132). Л. А. Аймык свидетельствует о том, что у коряков нет привязки данного

²³ Обычай скрывать лицо в состоянии измененного сознания характерна для шаманских традиций Сибири.

²⁴ По сведениям И. Жукова, на празднике *Пэгытын* у олюторских коряков исполнялась пляска с копьём: «Старейшая женщина подходила к месту, где было привязано копьё, развязывала веревку, снимала с копьё чехол и начинала танцевать вокруг очага, держа копьё в правой руке. Танец был несложный: исполнительница шла по ходу солнца, приподнимая и опуская плечи; руку с копьём она то отводила в сторону, то прижимала к груди. После того как она завершала один круг, к ней присоединялись все присутствующие» (Жукова 1983: 105–106).

обряд к зимнему празднику, обряд обычно проводится раз в год (Аймык 2020)²⁵. По-видимому, мы имеем дело с локальными или семейными особенностями традиции. В. В. Горбачёва благодарственный обряд *Муэныгыну*²⁶ считает приуроченным к окончанию летне-осеннего охотничьего сезона. Предположение И. С. Вдовина об изначальной связи древнего культа *Пэгыттын* у чукчей с охотой на диких оленей (Вдовин 1977: 125) делает возможным объединение его с благодарственным обрядом *Мыуэгийуын*, которое имеет место и в представлениях некоторых современных коряков-чавчуенов. По мнению И. С. Вдовина, связь культа *Пэгыттына* с оленеводством закрепилась позднее. Возможно, именно тогда произошел постепенный разрыв охотничьего ритуала благодарения *Мыуэгийуын* и культа *Пэгыттын*.

В целом ритуал благодарения у коряков еще предстоит исследовать. Н. С. Кузнецова считает, что *Мыуэгийуын* еще можно зафиксировать на севере Камчатки и в наши дни. Предварительно можно предположить изменяющуюся во времени от узальной к окказиональной связь охотничьего ритуала и зимнего праздника *Пэгыттын* в некоторых семейных или локальных традициях коряков-чавчуенов.

ЖЕРТВЕННЫЙ ЗАБОЙ СОБАКИ

На видео 1994 г. имеются кадры жертвенного забоя собаки, которое проводилось после жертвоприношения оленей. Н. С. Кузнецова пояснила, что собаку обязательно нужно было забить, поскольку одному из родственников приснился плохой сон — предвестник несчастий и болезней²⁷. Собака считалась приговоренной, решение о ее ритуальном предназначении, так же как и по отношению к жертвенным оленям, было принято заранее. Собаку заводили в дом и кормили кусочком жира, затем вели ее на привязи к месту жертвоприношения *йыг'ауаватынвэтыну* (Кузнецова 2020).

Моление перед забоем собаки на видео не зафиксировано. Однако свидетельством наличия такого заклинания является опубликованный текст, который произносился на празднике, прошедшем после зимнего солнцестояния в начале XX в.: *Wu 'tina ginkina 'yit, ti 'kikit, a 'ta 'pil te 'ntinin* / «Это для тебя, Солнце, маленькую собачку я передаю» (Jochelson 1905: 99). По своей форме текст заклинания довольно близок заклинанию перед закланием оленя. Здесь имеется обращение к верховному божеству, названному в данном случае Солнцем, и описание жертвы — маленькая собачка. По-видимому, далее следовала просьба, в которой раскрывалась цель совершения обряда.

В 1994 г. в жертвенном забое собаки участвовали братья Н. С. Кузнецовой. Младший брат держал собаку за веревку, привязанную на шее, а старший колот ее в сердце ножом. Братья развернули тело собаки головой на восток и положили под голову бревно, символизирующее подушку *чоччот*²⁸. По-видимому, направление головы собаки могло различаться в зависимости от цели совершения обряда и того, кому предназначалась жертва. Поворачиваемые на восток животные предназначались для верховного божества и были направлены на благополучие. Также считалось, что собаку отправляли для охраны жертвенных оленей (Фольклорное наследие 2016: 41). В этом случае и оленей, и собак также располагали головами на восток, как это произошло в 1994 г. Здесь заметна связь с похоронными обрядами и представлениями о потустороннем мире, ведь вслед за человеком также посылали собаку для его сопровождения. «Коряки верили, что умершего в потустороннем мире первыми встречают собаки, принесенные в жертву Верховному существу. Они все живут в одном жилище (яранге, полуземлянке), построенном им покойниками» (Горбачева 2004: 95).

²⁵ У чукчей праздник благодарения может проводиться в любое время, но обязательно раз или два в год (Богораз 1939: 81). Эпизод с проведением обряда *Муэгыруын* у чукчей во время осеннего забоя оленей имеется в фильме А. В. Головной «Петтымель» (2000).

²⁶ В данном случае, вероятно, имеет место приблизительное отражение звучания лексемы *мыуэгийуын*.

²⁷ О значении снов в жизни коряков и чукчей см.: (Богораз 1939: 161; Мальцева, Голованова, Тирон 2019: 124–127, 134).

²⁸ Для оленей во время весеннего, летнего и осеннего забоя, по свидетельству Л. А. Аймык, также делали подушку, но на зимний праздник она не требовалась из-за обилия снега (Голованова, Мальцева 2015: 55).



Рис. 5. Заклание собаки. Иллюстрация из книги В. И. Иохельсона (Jochelson 1905: Plate VII, Fig. 2)
Fig. 5. Sacrifice of dog (from Jochelson 1905: Plate VII, Fig. 2)

Обращая животное на запад, жертвы делались для задабривания злых духов *кала* или *нинвитов*: «Заколотых собак кладут на землю мордой, указывающей на запад или в направлении, в котором люди собираются путешествовать, чтобы злые духи не могли причинить им вреда» (Jochelson 1905: 96). С. Н. Стебницкий, описывая осенний забой оленей, упоминал о жертвоприношении собак, которые предназначались для злых духов *нинвитов*: туши собак натыкали «на колья, обращая их в разные стороны» (Стебницкий 2000: 55).

Через надрез на спине вытаскивали кишки собаки и подвешивали их на двух деревянных крючках *капунык*, делая ритуальные ворота (Кузнецова 2020). Сквозь кишки, перешагивая через жертвенную собаку, должны были пройти все участники праздника, чтобы «закрыть дорогу» в иной мир. Аналогичный обряд «закрывания ворот» был зафиксирован в 2004 г. в с. Хаилино Олиторского района участниками комплексной экспедиции Института филологии СО РАН. На следующий день после кремации при возвращении с места похорон люди должны были пройти через растянутые кишки жертвенной собаки (Мальцева, Солдатова 2004: 140). Способ забоя собаки описывается так: «Держат ее на весу на веревках, убивают ножом в сердце. Потом кладут головой на восток. Разрезают шкуру на спине, надрезают поперек, затем вынимают тонкие кишки. Через кишки проходят все присутствующие, говоря: *Тог'ок!*» (ПД Солдатовой 2004: 33). У коряков с. Верхний Парень Северо-Эвенского района Магаданской области также через день после кремации тела «в момент ухода забивают собаку, растягивают ее кишки в виде ворот и проходят под ними» (Хаховская 2018: 254) (рис. 5).

При разделке обязательным было разбрызгивание крови жертвенного оленя или смеси крови оленя и собаки для низших мифологических существ: «Немного крови из ран собак или оленей, принесенных в жертву высшему божеству, брызгается на землю как подношение для *калы*, со словами: “Эта кровь для тебя, *кала*”. В противном случае *кала* может перехватить жертву и помешать ее достижению высшего божества, которое пребывает в небе» (Jochelson 1905: 92–93). В. Н. Малюкович уточняет, что смешанную кровь карагинские коряки разбрызгивали на четыре стороны света²⁹ (Фольклорное наследие 2016: 41). Как пишет И. С. Вдовин, «культ сторон света

²⁹ На осеннем забое оленей *Боянайтаык* существовала традиция кормления жертвенной кашицей *чэучиткув'ытв'ыт* из толченых зеленых листьев на четыре стороны света после символического забоя «лиственных оленей» *выт'кояв'*. При этом «первую ложку бросали в сторону рассвета — места обитания Хозяина оленей, последнюю — в сторону заката солнца» (Горбачева 2004: 37). Аналогичная последовательность кропления кровью жертвенного оленя наблюдается у чукчей: «Берут кровь из раны и кропят ею, сначала в том направлении, в котором была принесена жертва, а затем и во всех других направлениях» (Богораз 1939: 71).

был наиболее широко развит в религиозной практике чукчей. Любое наружное жертвоприношение непременно сопровождалось угощением (кормлением) Востока (Рассвета), Юга (Полдня), Запада (Предвечерних сумерек) и Севера (Тьмы)» (Вдовин 1977: 121).

Кровью жертвенного оленя после разбрызгивания хозяйка смазывала вход в ярангу, после чего происходил обряд помазания лица (бровей, лба и подбородка), живота, обуви, утвари, стен жилища и нарты³⁰. У чукчей хозяйка наносила своему мужу знаки на лицо, кисти рук с тыльной стороны, на носки обуви и на одежду подмышками, затем муж действовал так же по отношению к жене (Кузнецова 1957: 288). Если хозяина уже не было в живых, знаки наносились его сыновьям-наследникам. Для других членов семьи использовалась кровь другого оленя. Чукчи также смазывали кровью нарты, размещенные на жертвенном месте, и «все углы ровдужного покрытия с внешней стороны» (Кузнецова 1957: 289).

У чавчувенов существовала и традиция надевать на шест голову белого жертвенного оленя вместе со шкурой и ориентировать ее в сторону востока (Кузнецова 1957). Об этом же свидетельствует В. Н. Малюкович: «На декабрьском празднике голову убитого оленя насаживали на шест высотой не ниже полутора метров, втыкали в снег и обращали на восток» (Фольклорное наследие 2016: 37). Пенжинские оленеводы протыкали мозжечок оленя при надевании на шест из тальника и поворачивали на север, при этом головы туш пар мясных оленей складывали на землю (Тынетэгин 2017). Чукчи на *Пэгытти* «в жертву приносят любимого Светом беломордого оленя или в прошлом знаменитых беговых оленей. Голову оленя, принесенного в жертву, насаживают на кол, который втыкают в твердый наст» (Нувано 2017: 251).

Подобным образом могли поступить и с жертвенной собакой: «Голову собаки надевали на шест или копьё и обращали в сторону востока» (Фольклорное наследие 2016: 36). Для охраны деревни от кори у пенжинских коряков «вдоль берега реки Парень были вбиты кольца в снег, на которых висели собаки, морды их были направлены вверх, а брюшная сторона тела обращена на восток» (Jochelson 1905: 97).

Интересна традиция, когда «шкуру собаки (имитируя шкуру волка) многократно пробивали ножом, накидывали себе на плечи и выли по-волчьи (Гурвич 1962: 250). Считалось, что «хозяином оленьего стада является не только человек, но и волк, так как он умеет перегонять стадо, отбивать оленей» (Малюкович 1974: 36).

Таким образом, собака на зимнем празднике оленеводов служила жертвой, совершаемой для комплекса целей: сопровождение и охрана жертвенного оленя по пути в Верхний мир, получение покровительства от высшего божества, задабривание злых духов для предотвращения плохих событий, «закрывания ворот» между мирами. Многие элементы жертвоприношения собаки на зимнем празднике совпадают с аналогичными действиями и представлениями, связанными с похоронной обрядностью. Поскольку чавчувены никогда не использовали собак в ездовых и пастушьих целях, собаки у них содержались «исключительно для жертвоприношений» (Стебницкий 2000: 54), что говорит об одной из важнейших функций собаки³¹.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ *ИНЭЛВЕТ*

На кадрах видео 1994 г. рядом с лежащими рогами ранее забитых оленей находится тренога. Ритуальные действия, связанные с ней, к сожалению, не зафиксированы. Между тем исследователи считают, что тренога, устанавливаемая на зимнем празднике, аналогична той, что ставится на похоронном обряде (Малюкович 1974). Погребальный треножник из ольхи является намозильным устройством и символизирует «последнее убежище покойного» (Хаховская 2018: 250).

³⁰ См.: Елена Лёхина о культуре и обрядах народов Севера // Этнокинига Магаданской области. URL: <https://ethnobook.ru/every/video/269-elena-ljokhina-o-kulture-i-obryadakh-narodov-severa> (дата обращения: 23.04.2022).

³¹ На Камчатке обнаружено одно из наиболее ранних свидетельств одомашнивания собаки — ее позднепалеолитическое захоронение в жилище стоянки Ушки I (Диков 1979).

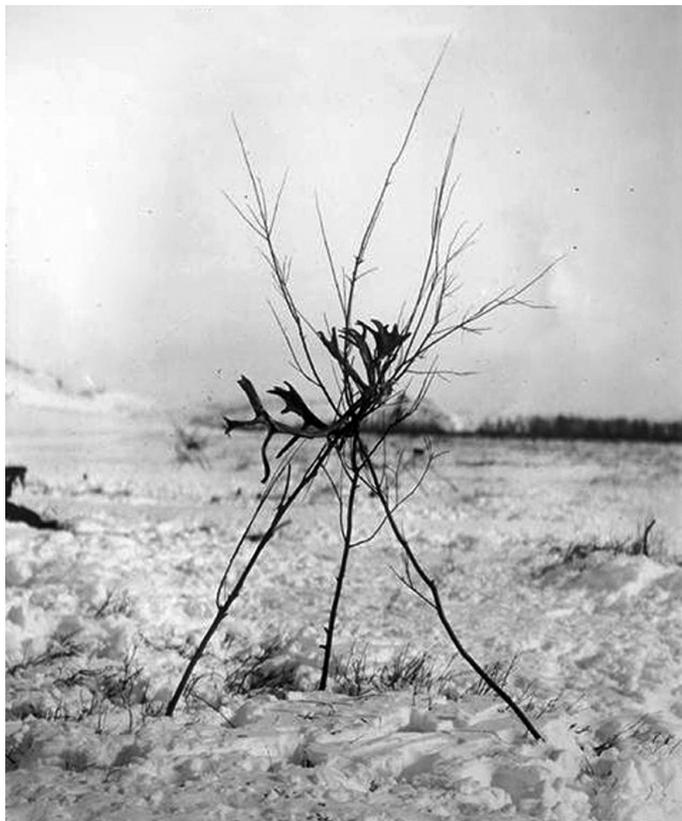


Рис. 6. Рога жертвенного оленя. Иллюстрация из книги В. И. Иохельсона (Jochelson 1905: Plate IX, Fig. 2)

Fig. 6. Sacrificial reindeer-antlers (from Jochelson 1905: Plate IX, Fig. 2)

Рекинниковские оленеводы на зимнем празднике на треногу «вешали по кусочку жира, печени, языка оленя, также заячий пух» (Малюкович 1974: 38–39), т. е. совершали жертвоприношения *инэлвэт*. Для проведения жертвоприношения вместо треноги могли использовать рога (рис. 6) (Кузнецова 2020).

В качестве жертвоприношения нарезанные кусочки печени смешивали с жиром, кровью и заячьим пухом и сжигали. При проведении жертвоприношения *инэлвэт* тихо произносили заклинание, обращаясь уже не к высшему божеству, а к окружающим духам: «Это ложится для того, кому нужно. Кому нужно, тот найдет и заберет. Далее просили здоровья и благополучия» (Кузнецова 2020). О произнесении заклинаний у треноги на зимнем празднике упоминает и В. Н. Малюкович: «Женщины, присев на корточки, шептали заклинания» (Фольклорное наследие 2016: 39).

Таким образом, в основной обрядовый комплекс зимнего праздника могли включаться и окказиональные обряды. При проведении *инэлвэт* обращались к окружающим духам. Цели данного обряда также были окказиональными.

ИГРОВЫЕ И СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРАЗДНИКА

На видео 1994 г. отсутствуют игровые и соревновательные элементы праздника Пэгыттын. Вместе с тем в научной литературе упоминаются гонки на оленьих упряжках *кин'элвэт*, корякская борьба на снегу, пеший бег с палками или бег взапуски *койкэчавэ*, бег в *кукулях*, прыжки через нарты, подбрасывание на оленьей или медвежьей шкуре, метание аркана *чав'ат*, игра с мячом из шкуры оленя, предраассветное состязание в покорении ритуального обледеленного столба *ёол* (Jochelson 1905; Жукова 1983; Горбачева 2004; Фольклорное наследие 2016; Голованева, Мальцева

2015: 56–57). В прошлом эти игры и соревнования имели сакральное значение, так как устраивались для Верховного божества. К спортивным соревнованиям серьезно готовились, поскольку в качестве призов для победителей были важенка, олень или лахтак (Тынэтэгин 2017). «“Призовую” важенку для “очищения от злых духов” проводили между двух костров» (Фольклорное наследие 2016: 37).

Время проведения состязаний и игр в различных источниках варьирует. Так, В. В. Горбачева указывает, что они проводятся после трапезы и до вечера (Горбачева 2004: 49), В. Н. Малюкович пишет о том, что у хаилинских оленеводов гонки на оленях *кин'элвэт* проводятся до угощения, а у ачайваямских оленеводов — до ритуального забоя: хозяин оленя после финиша приносит его в жертву «в честь предков» (Фольклорное наследие 2016: 36–37), в целом же «игры продолжают-ся до тех пор, пока солнце не сядет» (Фольклорное наследие 2016: 17).

Отметим, что в XX в. при утрате мифологической основы праздника *Пэгыттын* на первый план вышли как раз игровые и соревновательные элементы (см., например: Гурвич 1962: 250).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование зимнего календарного праздника *Пэгыттын* коряков-чавчуменов показало его сохранность на протяжении XX в., что подтверждается материалами В. И. Иохельсона начала XX в. и видеозаписью 1994 г., а возможно, где-то бытует и до настоящего времени. Сведения о празднике в научной литературе отрывочны, отсутствует полное описание праздника и связанных с ним мифологических представлений в его локальных вариантах, которые позволили бы провести сравнительные исследования внутри традиции, а также с близкой чукотской традицией.

Выявлены мифологические представления о нескольких адресатах совершаемых ритуалов: о созвездии *Пэгыттын*, по названию которого именуется праздник, верховном божестве, Солнце *Тыйкытый* и Луне *Йыгылгын*. Время проведения праздника в начале XX в. связывается с появлением созвездия *Пэгыттын* и днем зимнего солнцестояния. Информация о созвездии *Пэгыттын*, некогда олицетворявшем для коряков высшее божество, фиксировалась только в начале XX в. В дальнейшем преобладают свидетельства о связи праздника с Луной³².

Существуют также различные представления о количестве и половозрастных особенностях жертвенных оленей. Н. С. Кузнецова подробно рассказала о необходимости забивать оленей парами и о главной жертве — важенке, мясо которой будет использоваться для ритуальных целей на весеннем празднике *Килвай*. Имеется также представление о необходимости забоя белого оленя в качестве главной жертвы у пенжинских коряков. В других случаях выделение двух групп оленей (жертвенных и мясных) в научной литературе отсутствует. Закливание собаки может проводиться для сопровождения жертвенного оленя в верхний мир в качестве посвящения высшему божеству или для задабривания злых духов, для проведения обряда «закрывания ворот».

Вербальный код обрядового комплекса *Пэгыттына* насыщен текстами заклинаний *эв'янын*, которые произносятся непосредственно перед жертвенным забоем оленя и собаки и при жертвоприношении *инэлвэт*. Заклинания исполняются оленеводами и членами семьи, отличаются краткостью и включают три смысловых блока: обращение к божеству/духам, описание жертвоприношения и испрашивание покровительства.

Проведение жертвоприношения *инэлвэт* и ритуала благодарения *Мыузэгыйнуын*, по-видимому, является окказиональным для *Пэгыттына*. *Инэлвэт* проводится довольно часто по случаям необходимости даже в наши дни. *Мыузэгыйнуын* некоторыми носителями связывается с зимним праздником, однако есть упоминания о ежегодном, но не привязанном к определенной дате характере. Основная цель данного обряда — способствовать благополучному отправлению жертвенно-

³² В материалах начала XX в. этот факт отсутствует. Возможно, что обряды, посвященные Луне, были обращены к злым духам и утаивались (Богораз 1939).

го оленя в верхний мир, кроме того, обряд способствовал ограждению от злых духов и очищению присутствующих. Исполнение родовых песен в контексте *Мынэгыйуын* играло роль поминания и почитания предков, их призыва для помощи в благополучном осуществлении ритуала, а также имело адресата — жертвенного оленя.

Перспективы исследований *Пэгыттына* связаны с характеристикой локальных разновидностей зимнего праздника чавчуменов. Для этого потребуется проведение масштабных полевых исследований и выявление информантов, которые еще могут вспомнить о некогда богатой оленеводческой традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аймык 2020 — Аудиоматериалы, записанные в 2020 г. от уроженки с. Верхние Пахачи Олюторского р-на Лилии Александровны Аймык (корякск. имя *Льгатын'а*; 1970 г.р.) в Новосибирске Т. А. Голованевой и Е. Л. Тирон. Архив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН.

Кузнецова 2020 — Аудиоматериалы, записанные в 2020 г. от уроженки с. Средние Пахачи Олюторского р-на Надежды Семеновны Кузнецовой (кор. имя *Нутэуэв'ыт*; 1949 г.р.) в п. Энергетик Елизовского р-на Т. А. Голованевой и Е. Л. Тирон. Архив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН.

Солдатова 2004 — Полевой дневник Солдатовой Г. Е., участника комплексной фольклорно-этнографической экспедиции Института филологии СО РАН на Камчатку (Олюторский р-н) 2004 г. Архив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН.

Пэгыттын 1994 — видеокассета «Пыгыттын», съемка В. Иошина, 1994 г., палаточный городок возле с. Средние Пахачи Олюторского р-на. Личный архив Н. С. Кузнецовой. Цифровые копии находятся в архиве сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН.

Тынетэгин 2017 — Аудиоматериалы, записанные в 2017 г. от уроженца с. Таловка Пенжинского р-на Николая Ивановича Тынетэгина (корякск. имя *Тынетэгин*; 1937–2020) в г. Петропавловск-Камчатский Т. А. Голованевой. Личный архив Т. А. Голованевой.

Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. Образцы народной словесности чукоч (тексты с переводом и пересказы). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1900.

Богораз В. Г. Чукчи. Ч. II. Религия. Ленинград: Изд-во Главсевморпути, 1939.

Вдовин И. С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера: (2-я половина XIX – начало XX в.). Сборник МАЭ. Т. 33. Ленинград: Наука, 1977. С. 117–171.

Венстен Ш. Небесное пространство, светила // Венстен Ш. Чукотский язык, чукотская литература (русская версия): грамматика и тематический словарь чукотского языка, сборник чукотских литературных текстов. URL: http://charles.weinstein.free.fr/chukches/LEX/Lex_nebo_ru.html (дата обращения: 23.04.2022).

Голованева Т. А. Корякские заклинательные формулы *эв'яныну*: сюжет, композиция, бытование // Традиционная культура. 2006. № 2 (22). С. 22–29.

Голованева Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2015.

Голованева Т. А., Тирон Е. Л. Корякские исторические предания о раскулачивании оленеводов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (38). С. 16–25.

Гончарова А. А. В. Н. Малюкович — этнограф и фольклорист // Верные долгу и Отечеству: материалы XXVII Крашенинниковских чтений / ред. И. В. Витер. Петропавловск-Камчатский: Краевое государственное бюджетное учреждение «Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова», 2010. С. 247–251.

Горбачева В. В. Обряды и праздники коряков. СПб.: Наука, 2004.

Гурвич И. С. Корякские промысловые праздники // Сибирский этнографический сборник. Вып. 4. Очерки по истории, хозяйству и быту народов Севера. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 238–257.

Гурвич И. С. Проблема этногенеза оленных групп чукчей и коряков в свете этнографических данных // На стыке Чукотки и Аляски. М.: Наука, 1983. С. 96–119.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979.

Жукова М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1983.

Клоков К. Б. Человек, олень и собака — ритуалы жертвоприношения в наши дни (по материалам полевых исследований на юго-востоке Чукотки) // Люди и животные: парадоксы взаимоотношений / Отв. ред. Ф. Лулы, В. Н. Давыдов, В. А. Беляева-Сачук. СПб.: МАЭ РАН, 2021. С. 114–116.

Коломиец О. П., Нувано В. Н. Обряд кремации в современной погребальной практике чукчей-оленьеводов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 171–181.

Корякский коммунист. 1960. 7 ноября. С. 1.

Кузнецова В. Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленних чукчей // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. 1957. Т. 35. С. 263–326.

Культура камчатских коряков-чавчуменов второй половины XX века по воспоминаниям Н. И. Тынетгина / Сост. Т. А. Голованева. Новосибирск: СО РАН, 2022.

Мальцева А. А., Голованева Т. А., Тирон Е. Л. Голоса корякской культуры: Александра Кергильхот. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2019.

Мальцева А. А., Солдатова Г. Е. Фольклорно-этнографическая экспедиция на Камчатку // Сибирский филологический журнал. 2004. № 3–4. С. 137–140.

Малокович В. Н. Ленаты счастья: (Корякские праздники). Петропавловск-Камчатский: Камчатское отд-е Дальневост. кн. изд-ва, 1974.

Мелетинский Е. И. Палеоазиатских народов мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия / Ред. С. А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия: Олимп, 1998. Т. 2. С. 274–278.

Народы Северо-Востока Сибири (Народы и культуры) / Отв. ред. Е. П. Батьянова, В. А. Тураев. М.: Наука, 2010.

Нувано В. Н. Сакральные элементы в чукотской оленеводческой культуре // Чтения памяти академика К. В. Симакова: Материалы докладов Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Н. А. Горячев. Магадан, 2017. С. 250–252.

Решетов А. М. Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР — воинов Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3–20.

Сорокин А. А. Названия месяцев и времен года в аллюторском языке: сравнительный аспект с корякским и чукотским языками // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (33). С. 41–48.

Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков. СПб.: Наука, 2000.

Тирон Е. Л. Личные песни коряков: представления современных носителей традиции // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 36–48.

Фольклорное наследие В. Н. Малоковича. Обрядовые праздники коряков: фольклорно-этнографический сборник / сост. М. Е. Беляева. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2016.

Хаховская Л. Н. Культура этнолокального сообщества (коряки села Верхний Парень). М.; СПб.: Нестор-История, 2018.

Bogoras W. Koryak Texts (Publications of the American Ethnological Society. Vol. V). New York, Leiden, 1917.

Jochelson W. The Koryak. Pt. 1: Religion and Myths (Publications of the Jesup North Pacific Expedition, Vol. VI). Leiden; N. Y., 1905.

REFERENCES

Bogoras W. *Chukchi*. Pt. II, *Religiia* [Chukchi. Pt. II. Religion]. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi Publ., 1939. (In Russian)

Bogoras W. *Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Chukchi language and folklore, collected in the Kolyma district]. Pt. I. *Obraztsy narodnoi slovesnosti chukoch (teksty s perevodom i pereskazy)* [Samples of folk literature of the Chukchi (texts with translation and paraphrases)]. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1900.

Dikov N. N. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii (Aziia na styke s Amerikoi v drevnosti)* [Ancient cultures of Northeast Asia (Asia at the junction with America in antiquity)]. Moscow: Nauka Publ., 1979. (In Russian)

Fol'klornoe nasledie V. N. Maliukovicha. Obriadovye prazdniki koriakov: fol'klorno-etnograficheskii sbornik [Folklore heritage of V.N. Malyukovich. Ceremonial holidays of the Koryaks: folklore and ethnographic collection]. Ed. by Beliaeva M. E. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchatpress Publ., 2016. (In Russian)

Golovaneva T. A. Koriakskie istoricheskie predaniia o raskulachivanii olenevodov [Koryak historical legends about the dispossession of reindeer herders]. *Iazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. 2019, no. 2 (38), pp. 16–25. (In Russian)

Golovaneva T. A. Koriakskie zaklinatel'nye formuly ev'ianvynu: siuzhet, kompozitsiia, bytovanie [Koryak spell formulas ev'ianvynu: plot composition, existence]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2006, no. 2 (22), pp. 22–29. (In Russian)

Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. *Golosa koriakskoi kul'tury: Liliia Aimykh* [Voices of the Koryak culture: Lilia Aimykh]. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo" Publ., 2015. (In Russian)

Goncharova A. A. V. N. Maliukovich — etnograf i fol'klorist [Malyukovich — ethnographer and folklorist]. *Vernye dolgu i Otechestvu: materialy XXVII Krashennnikovskikh chtenii* [Aithful to duty and the Fatherland: materials of the XXVII Proceeding the materials of Krashennnikov Readings]. Ed. by I. V. Viter. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kraevoe gosudarstvennoe biudzhetnoe uchrezhdenie "Kamchatskaia kraevaia nauchnaia biblioteka imeni S.P. Krashennnikova" Publ., 2010, pp. 247–251. (In Russian)

Gorbacheva V. V. *Obriady i prazdniki koriakov* [Rites and holidays of Koryaks]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. (In Russian)

Khakhovskaia L. N. *Kul'tura etnolokal'nogo soobshchestva (koriaki sela Verkhny Paren')* [Culture of the ethnocultural community (Koryaks of the village of Verkhny Paren)]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2018. (In Russian)

Klovok K. B. Chelovek, olen' i sobaka — ritualy zhertvoprinosheniia v nashi dni (po materialam polevykh issledovaniia na iugo-vostoke Chukotki) [Man, deer and dog — rituals of sacrifice in our days (based on the materials of field research in the south-east of Chukotka)]. *Liudi i zhivotnye: paradoksy vzaimootnoshenii* [People and animals: paradoxes of relationships]. Ed. by F. Lul'i, V. N. Davydov and V. A. Beliaeva-Sachuk. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2021, pp. 114–116. (In Russian)

Kolomiets O. P., Nuvano V. N. Obryad krematsii v sovremennoi pogrebal'noi praktike chukchei-olenevodov [The rite of cremation in contemporary burial practices of the Chukchi reindeer herders]. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2022, no. 1 (56), pp. 171–181. (In Russian)

Koriakskii kommunist [Koryak communist], 1960, November 7, p. 1.

Kul'tura kamchatskikh koriakov-chavchuchenov vtoroi poloviny XX veka po vospominaniam N. I. Tynetegina [The culture of the Kamchatka Koryaks-Chavchuchens of the second half of the 20 th century according to the memoirs of N. I. Tynetegina]. Ed. T. A. Golovaneva. Novosibirsk: SO RAN, 2022. (In Russian)

Mal'tseva A. A., Golovaneva T. A., Tiron E. L. *Golosa koriakskoi kul'tury: Aleksandra Kergil'khot* [Voices of the Koryak culture: Alexandra Kergil'khot]. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo" Publ., 2019. (In Russian)

Mal'tseva A. A., Soldatova G. E. Fol'klorno-etnograficheskaia ekspeditsiia na Kamchatku [Folklore and ethnographic expedition to Kamchatka]. *Siberian Journal of Philology*, 2004, no. 3–4, pp. 137–140. (In Russian)

Maliukovich V. N. *Lenaty schast'ia: (Koriakskie prazdniki)* [Lenaty of happiness: (Koryak holidays)]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchatskoe otdelenie Dal'nevostochnogo knizhnogo izdatel'stva Publ., 1974. (In Russian)

Meletinskii E. I. Paleoaziatskikh narodov mifologiya [Paleoasiatic peoples' mythology]. *Mify narodov mira. Entsiklopediia* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia: Olimp Publ., 1998, pp. 274–278. (In Russian)

Narody Severo-Vostoka Sibiri (Narody i kul'tury) [Peoples of the North-East of Siberia. (Peoples and cultures)]. Ed. by Bat'ianova E. P., Turaev V. A. Moscow: Nauka Publ., 2010. (In Russian)

Nuvano V. N. Sakral'nye elementy v chukotskoi olenevodcheskoi kul'ture [Sacred elements in the chukchi reindeer herding culture]. *Chteniya pamyati akademika K. V. Simakova* [Readings in memory of academician K. V. Simakov]. Magadan, 2017, pp. 250–252. (In Russian)

Reshetov A. M. Otdanie dolga. Pt. II. Pamiati sotrudnikov Instituta etnografii AN SSSR — voinov Velikoi Otechestvennoi voiny [Debt repayment. Part II. In memory of the staff of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences — soldiers of the Great Patriotic War]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 3, pp. 3–20. (In Russian)

Sorokin A. A. Nazvaniia mesiatsev i vremen goda v aliutorskom iazyke: sravnitel'nyi aspekt s koriakskim i chukotskim iazykami [Names of months and seasons in the Alutor language: a comparative aspect with the Koryak and Chukchi languages]. *Bulletin of the Kamchatka Regional Association Educational and Scientific Center (KRASEC). Humanities*, 2019, no. 1 (33), pp. 41–48. (In Russian)

Stebnitskii S. N. *Ocherki etnografii koriakov* [Essays on ethnography of Koryaks]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000. (In Russian)

Tiron E. L. Lichnye pesni koriakov: predstavleniia sovremennykh nositelei traditsii [Personal songs of the Koryaks: representations of modern carriers of tradition]. *Siberian Philological Journal*, 2020, no. 1, pp. 36–48. (In Russian)

Vdovin I. S. Religioznye kul'ty chukchei [Religious cults of the Chukchi]. *Pamiatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa: (2 polovina XIX — nachalo XX veka)* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North: (2nd

half of the XIX – beginning of the XX century)]. Sbornik MAE; vol. 33. Leningrad: Nauka Publ., 1977, pp. 117–171. (In Russian)

Zhukova M. Ya. *Narodnoe khoreograficheskoe iskusstvo korenogo naseleniia Severo-Vostoka Sibiri* [Folk choreographic art of the indigenous population of the North-East of Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (In Russian)

Submitted: 24.01.2023

Accepted: 16.02.2023

Published: 10.04.2023